СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ

александр

ГОРСКИЙ

ПОХИТИТЕЛИ АНГЕЛОВ

Полковник Реваев. Дело особой важности

Александр Горский

Похититель ангелов

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Похититель ангелов / А. В. Горский — «Центрполиграф», 2021 — (Полковник Реваев. Дело особой важности)

ISBN 978-5-227-09161-1

В разных местах страны происходят похищения детей. Преступник действует предельно продуманно и хладнокровно. Не колеблясь, он убивает ребёнка, если родители не выполняют его требований о месте и условиях выплаты. Органы правопорядка в провинции не в состоянии противостоять похитителю: преступник уходит, не оставляя следствию ни малейшей зацепки. Продуманная им схема отхода с деньгами ни разу не дала сбоя. Материалы передают в Москву, теперь делом о похищении детей предстоит заниматься группе полковника Реваева.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09161-1

© Горский А. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Александр Горский
Похититель ангелов

Глава 1

Он открыл глаза и удивленно посмотрел по сторонам, не очень понимая, где находится. Постепенно его взгляд стал более осмысленным, а губы скривились в горькой усмешке: «Вот и все, – рукой он стер выступивший на лбу холодный пот, – яблочко созрело»…

Начало июля выдалось урожайным на комаров. На середине реки их было чуть меньше, чем у берега, где они кружили над зарослями прибрежного ивняка серыми тоскливо гудящими тучами. Однако и вдали от берега их тоже хватало. Бесцельно кружа над водной гладью, они неожиданно резко меняли направление своего полета и устремлялись к жертве. Очевидно, их привлекал запах пота. День был жаркий, и, страдавший лишним весом, Петр Александрович изрядно потел. Когда ему становилось совсем невмоготу от нещадно припекавшего солнца, он наклонялся за борт, набирал одну за другой несколько пригоршней прохладной речной воды и выливал прямо себе на голову и покрасневшие искусанные плечи. На какое-то время ему становилось легче, а затем все повторялось по новому кругу. Слабенький трехсильный моторчик равномерно тарахтел, разрывая нависавшую над рекой тишину. Особых усилий от него не требовалось, лодка и так шла по течению.

Рация ожила именно в тот момент, когда Петр Александрович в очередной раз погрузил руку в мутную воду. Мужчина вздрогнул и торопливо разогнулся, в спешке ударившись локтем о металлический борт лодки.

– Я здесь, здесь. – Петр Александрович выхватил рацию из ящика для инструментов. – Слушаю вас.

– Бери правее и причаливай к берегу. – Голос в рации, очевидно пропущенный через модулятор, казался неживым. – Метров через сто увидишь флажок, вот на него и держи.

– Хорошо, хорошо, я сейчас, – засуетился Петр Александрович, – я сейчас все сделаю, подождите.

Рация ничего ему не ответила, невидимый собеседник уже отключился. Петр Александрович взял немного правее и вскоре заметил воткнутую в каменистый берег прямо у кромки воды кривую, чуть выше метра палку, к которой была привязана цветастая тряпка, судя по всему, обычная наволочка. Очевидно, это и был тот самый флаг, о котором говорил неизвестный. Лодка коснулась дна и стала, немного не дойдя до берега.

– Ну и что сидим? Боимся ножки замочить? – поинтересовался все тот же бездушный голос из рации.

Петр Александрович неловко перекинул ногу за борт, лодка угрожающе качнулась. Он поспешно перекинул вторую ногу и спрыгнул в воду.

– Пакет не забудь, – приказал голос.

Петр Александрович с трудом дотянулся до лежащего на дне лодки ящика с инструментами и достал из него увесистый сверток. Затем, потянув за собой лодку, он с трудом выбрался на берег и огляделся по сторонам.

– Рядом с флажком – ящик, – подсказал голос, – положи в него пакет и защелкни замки.

Металлический ящик, очевидно, был сделан на заказ. Запечатанная в целлофан упаковка с двадцатью банковскими пачками стодолларовых купюр идеально в нем поместилась, не оставив места ни для чего другого. Петр Александрович захлопнул крышку ящика и с трудом, попутно сломав ноготь на большом пальце правой руки, защелкнул оба замка.

– Молодец, – похвалил голос из рации, – флажок кинь в речку, пусть плывет.

Петр Александрович послушно выполнил очередное указание.

– Замечательно, – одобрила рация, – а сейчас ты садишься в лодку и гребешь туда, откуда приплыл.

– Так моторка же, – недоуменно пробормотал Петр Александрович.

– Вот мотором и гребешь, – огрызнулся голос, – если увижу, что оглянулся, минус палец. Это понятно?

– Понятно, – кивнул рации Петр Александрович, – а когда я увижу Дашу?

– Как только, так сразу, – в неживом голосе послышалась насмешка, – как только мы окажемся на безопасном расстоянии друг от друга и я пойму, что с деньгами все в порядке… С ними же все в порядке?

– Да, да, конечно. – Кадык Петра Александровича судорожно дернулся.

– Ну вот тогда и жди. Будет все хорошо, к вечеру получишь свою Дашу.

– С ней точно все хорошо? – торопливо задал еще вопрос Петр Александрович, опасаясь, что его собеседник вновь отключится, на этот раз уже навсегда.

– Нормально, – отозвался голос, – в отличие от тебя она на суше. Все. Бросай рацию в воду. Она тебе не нужна больше.

– Как бросать? – опешил Петр Александрович.

– Считаю до трех, – холодно отозвалась рация. – Один…

Человек в лодке испуганно отшвырнул рацию в воду. На какое-то время стало тихо. Затем нехотя, со второй попытки, завелся мотор, и лодка медленно двинулась вверх по течению, туда, откуда она и приплыла несколько минут назад. Через некоторое время моторка скрылась из виду за поворотом реки, и сидящий в ней человек уже не смог бы увидеть пологий берег, на котором в закрытом на два замка металлическом ящике остались лежать двести тысяч долларов – сумма, которую Петр Александрович был готов уплатить за освобождение своей внучки Дашеньки, похищенной три дня назад. Впрочем, Петр Александрович так ни разу и не обернулся. Он не хотел попусту злить похитителя.

Не успела лодка с оставившим на берегу деньги пожилым мужчиной скрыться из виду, как заработала лебедка. Лебедка была аккумуляторной, и шума ее двигателя человек в лодке услышать никак не мог. Металлический трос, протянутый от лебедки по дну реки и незаметно привязанный к стальному ящику с деньгами, натянулся. Ящик, словно нарисованная сумасшедшим художником-кубистом гигантская лягушка, прыгнул в воду. Стоявший на другом берегу человек взглянул на часы. Если все пойдет по плану, примерно через три минуты чемоданчик с деньгами вынырнет из воды прямо у его ног. Мужчина прислушался, натужный гул толкающего лодку против течения моторчика становился все тише. Он нахмурился, но через несколько мгновений черты его лица вновь разгладились. Никаких посторонних звуков. Ни рева скоростных катеров, ни вертолетного рокота. Только равномерно гудит работающая лебедка.

Стальная лягушка сделала еще один прыжок, на этот раз из воды, и замерла. Мужчина действовал быстро. На то, чтобы отцепить чемоданчик, ему потребовались считаные секунды. Еще через несколько мгновений лебедка вместе с намотанным тросом полетела в воду. Мужчина заранее присмотрел место поглубже, теперь лежащий на дне кусок железа увидеть с берега или даже находясь прямо над ним в лодке будет почти невозможно. Лебедку, конечно, было жалко, она могла еще пригодиться, да и стоила весьма недешево, однако тащить на себе такую тяжесть означало неизбежную потерю в скорости. А скорость сейчас решала все. Схватив чемоданчик, мужчина бросился прочь от берега и вскоре исчез в тайге.

Скрывшаяся за изгибом реки лодка Петра Александровича продолжала свое неспешное движение вверх по течению. Сам Петр Александрович – крупный, немолодой мужчина лет шестидесяти – впал в задумчивое оцепенение. Прожив уже достаточно долгую жизнь и будучи

от природы человеком неглупым, подтверждением чему, несомненно, служила занимаемая им уже семь лет должность мэра города Нижнеярска, Петр Александрович понимал, что сделал ошибку, очевидно, самую большую в своей жизни.

Рев моторов скоростных катеров и рокот вертолетных лопастей послышались почти одновременно, но все же вертолет появился первым. Пройдя совсем низко над водой и заставив человека в лодке судорожно ухватиться за борт своего закачавшегося на волнах суденышка, пилот описал большой круг над тайгой и завис в воздухе в паре сотен метров от Петра Александровича. Понимая, что появление вертолета не могло остаться незамеченным и уж точно не услышанным преступником, Петр Александрович отчаянно замахал руками, пытаясь показать летчику, что лететь надо дальше, вниз по течению, туда, где он не так давно оставил заготовленные для похитителя деньги. Понять из его жестикуляции было ничего невозможно, поэтому пилот лишь недоуменно пожал плечами и описал еще один большой круг над тайгой, давая возможность прильнувшим к иллюминаторам бойцам группы захвата попытаться что-нибудь увидеть сквозь густые кроны деревьев.

Два быстроходных катера с ревом выскочили из-за вдававшегося далеко в воду песчаного мыса и устремились к лодке Петра Александровича. Сильные руки мигом втянули мужчину на борт одного из катеров.

– Ты куда пропал, Петруха? А ты чего голый? Что с рацией? – Такой же полный, как и сам Петр Александрович, мужчина в форме подполковника полиции, вытирая капли пота со лба, сыпал вопросами. – Мы тут уже с ума все сходим.

– Это вы с ума сходите? – Лицо мэра Нижнеярска неожиданно перекосилось от злобы. – Это я с ума сошел, Гриша, когда твои советы стал слушать. Он меня раздеться заставил и вашу рацию утопить. – Если что с Дашкой случится, запомни, я тебе этого не прощу. Ни в жизнь не прощу, ты слышишь меня, Гриша?

– Ты успокойся, Петр, – нахмурился начальник районного управления внутренних дел Григорий Алексеевич Алябин, – в вертушке группа с собаками. Куда он от них денется? Давай показывай, где высаживаться.

Обе выпрыгнувшие из вертолета овчарки уверенно взяли след и так же уверенно рванули каждая в свою сторону.

– Видишь, как, – прокомментировал Григорий Алексеевич, – пришел он с одной стороны, а отходил в другую. Не зря мы сразу двух собак взяли. Скоро отбегается.

Петр Александрович угрюмо промолчал, глядя в след стремительно рванувшим в заросли упитанным псам и последовавшим за ними не менее упитанным полицейским.

Пробежав метров двести по прямой, одна из овчарок постепенно начала забирать немного влево; в это же время другая группа, следуя за второй собакой, постепенно смещалась вправо. К своему взаимному удивлению, обе группы встретились примерно посредине длинной, вытоптанной ими дуги. Однако, если овчарки отреагировали на встречу достаточно флегматично, всего лишь обнюхав друг друга и пару раз вильнув длинными хвостами, следовавшие за ними люди восприняли произошедшее весьма эмоционально.

– Петлю сделал. – Один из кинологов смачно выругался и обернулся к командиру группы: – Мы с Рондой сейчас еще раз пройдем, может, он где в сторону отскочил, но похоже, надо другой берег смотреть.

Поиски на другом берегу особых результатов тоже не принесли. В паре сотен метров от берега удалось обнаружить отпечаток велосипедной шины. Некоторое время похититель, если, конечно, это был его след, двигался по краю недавно расчищенной просеки, затем свернул на чуть заметную, но все же позволяющую перемещаться на велосипеде тропинку. Судя по всему, он неплохо знал здешние места. Поняв, что операция по поимке преступника идет не по плану, Алябин был вынужден связаться с областным управлением и запросить помощи. В течение часа на всех дорогах появились усиленные посты, проверявшие все машины без исключения.

К этому времени велосипед, точнее его обгоревший каркас, был уже обнаружен на краю леса, недалеко от тянувшейся сквозь тайгу разбитой грунтовки, по которой изредка ездили лесовозы. К несчастью преследователей, всего через три километра грунтовка выходила на местную асфальтированную дорогу, по которой можно было уехать в любой из десятков дачных поселков, окружавших райцентр, либо еще через пять километров выехать на федеральную трассу. Ближе к вечеру стало очевидно то, что Петр Александрович понял, еще сидя в лодке: операция по захвату преступника с треском провалилась.

Закрыв ворота, он некоторое время стоял неподвижно, подставив лицо заходящему солнцу. День выдался хлопотным, и больше всего сейчас он хотел принять душ и, усевшись в кресло, выпить баночку холодного пива. Однако прежде всего надо было убедиться в том, что все хлопоты были не напрасны. Спустившись в погреб, он включил переноску. Света одинокой лампочки было вполне достаточно для столь небольшого пространства. Он взял чемоданчик с деньгами и поместил его в специально изготовленную стальную камеру размером примерно метр на метр. И чемоданчик, и камеру он в свое время придумал и смастерил сам, прочитав на одном из сайтов о том, что современные GPS-метки, или так называемые маячки, бывают совсем микроскопических размеров и могут быть запросто спрятаны в пачке купюр, а что самое отвратительное, их сигнал определяется через спутник, а это значит, нет безопасного расстояния, на котором тебя не могут засечь преследователи. Однако на том же сайте достаточно подробно было разъяснено, что такое экранирование и как с его помощью можно этот самый маячок сделать абсолютно бесполезным. Будучи человеком основательным и не доверяющим на слово никому, в особенности Интернету, он купил GPS-метку и установил на свой смартфон соответствующую программу. Провозившись несколько дней в гараже, он остался вполне доволен и достигнутым результатом, и тем, что сайт не наврал. Ложь он не терпел с детства, с тех пор, как его родители, лучше которых, как ему казалось, на свете никого не было, вдруг разошлись и отец начал жить отдельно. Очень долго он не мог понять, как может быть так, что люди, которые столько лет улыбались друг другу и, возвращаясь из кино, держали его за руки, вдруг стали чужими. Настолько, что уже не могли жить вместе несмотря на то, что он их об этом очень просил. А потом он понял. Они обманывали. Все это время они лишь притворялись, что любят друг друга, а раз так, то вполне может быть, что они притворялись и продолжают притворяться, что любят его самого. То яркое, хоть и безрадостное детское открытие осталось в далеком прошлом, но неприятие лжи во всех ее проявлениях сохранилось в нем до сих пор.

Поместив чемоданчик в камеру, он закрыл дверцу и просунул руки в два круглых окошечка, аккуратно вырезанных в боковых стенках камеры. Небольшое, закрытое толстым небьющимся стеклом окошечко позволяло ему все видеть. Открыв сначала одну тугую защелку на чемоданчике, затем другую, он на мгновение замер, разглядывая упаковку с деньгами. Двадцать пачек по десять тысяч долларов. Сколько же это будет по нынешнему курсу? Миллионов тринадцать выйдет, да еще с хвостиком. Хорошее вознаграждение за все хлопоты, достойное. Он улыбнулся и перочинным ножом вспорол плотный целлофан. Конечно, в этот раз он изрядно потратился, впрочем, ненамного больше, чем обычно. Что поделать – прежде, чем получить денежки, надо сначала их потратить.

Положив нож, он вытащил из упаковки пачку купюр и разорвал перетягивающую их бумажную банковскую ленту. Улыбка исчезла с его лица. Денег в чемодане не было. Вместо них в чемодане лежала умело изготовленная «кукла». С подобным ему сталкиваться еще не приходилось. Он даже немного растерялся от неожиданности и, сам не зная зачем, начал судорожно доставать одну денежную пачку за другой и срывать с них упаковку.

Рвануло на третьей пачке. Раздался негромкий хлопок, и из его рук вырвалось ярко-красное облако. Он испуганно отшатнулся и попытался было отступить назад, но руки, засуну-

тые по самые локти в экранированную камеру, не позволили ему этого сделать. Он освободил вначале одну руку, затем другую и удивленно уставился на них так, словно за то время, что они находились внутри стального ящика, какой-то волшебник неведомым образом незаметно подменил их, ну или, как минимум, поменял местами. На самом деле обе руки были на месте, вот только обе они по самые локти были покрыты яркой, как он догадывался, несмываемой краской.

– Вот значит, как! – Он возмущенно поднял руки перед собой и сжал красные резиновые кулаки, словно готовящийся к схватке боксер. – Удивить меня решили? Считайте, что удивили. Теперь моя очередь.

С чемоданчиком он всегда работал в перчатках. Самых обыкновенных тонких латексных перчатках, натянутых поверх рукавов водолазки.

Он всегда понимал риски того дела, которым занимался. В том числе риск того, что чемоданчик попадет в руки тех, кто пока безуспешно охотится на его владельца. А это означало одно – никаких следов. Ни отпечатков, ни капель пота, ни выпавших волосков. Ничего. И вот сейчас, благодаря этому нехитрому правилу от взрыва патрона с несмываемой краской пострадала только его одежда. Хотя… Мужчина недовольно покачал головой. И чемоданчик, и камера наверняка полностью залиты этой краской. Да уж, мало ему утренних хлопот, так еще теперь надо узнавать в Интернете, чем смывается несмываемая краска. Наверняка ацетоном оттереть можно. Вот только сколько времени это займет?

Мужчина осторожно, чтобы не перемазаться, стянул с себя перчатки, а затем и водолазку. Одежду все равно придется сжечь. А сейчас, прежде чем начинать всю эту явно муторную возню с ацетоном, надо выпить кофе и немного отдохнуть. Перчаток, слава богу, у него много, потом можно будет надеть другие.

Остро наточенный нож в ее руках двигался стремительно. Только что целая морковь на глазах превращалась в кучку мелко нашинкованной соломки. Свеклу она нарезала миниатюрными кубиками. Вначале радостно зашкворчала первая сковородка, принимая в раскаленное масло кусочки свеклы. Тут же ее радостное потрескивание подхватила вторая. Ее добыча была разнообразнее. Вместе с морковью ей достался еще и лук, вскоре приобретший аппетитный золотистый оттенок. Деревянной лопаткой Елена Григорьевна тщательно перемешала содержимое вначале одной сковороды, потом другой. Выключив огонь под уже дошедшей, по ее мнению, морковью, она добавила в свеклу полную столовую ложку томатной пасты и вновь все тщательно перемешала. Несколько капель уксуса завершили ее хлопоты. Елена Григорьевна немного уменьшила пламя и устало коснулась рукой виска. От шума вытяжки у нее разболелась голова, но если выключить этот назойливо гудящий вентилятор, то запах готовящегося борща пойдет гулять по всему дому, а Петя этого не любит. Подумав о муже, Елена Григорьевна смахнула некстати появившуюся на щеке слезу и вновь вернулась к плите. Все, что она сейчас могла сделать для своей семьи, сконцентрировалось для нее в двух сковородках и большой пятилитровой кастрюле, из которой вверх к нержавеющей пасти вытяжки тянулась ароматная, пахнущая вареной говядиной струйка пара.

Телефон на втором этаже начал звонить в то самое мгновение, когда Елена Григорьевна наконец выключила опостылевшую вытяжку. В наступившей тишине она слышала, как муж коротко ответил, взяв трубку, как он долго молчал, слушая звонившего, как затем начал кричать на своего собеседника, уверяя, что именно тот виноват во всем и что надо было просто дать денег и все было бы решено.

Она сжала в руках вафельное полотенце, затем поднесла его к лицу и, заткнув рот влажной, пахнущей борщом тканью, зарыдала. Кто-то виноват во всем. Всем для нее была семилетняя внучка Дашенька, так похожая на свою мать, погибшую вместе с мужем три года назад в дорожной аварии. В тот день Анна со своим мужем Игорем решили уехать на весь день на

озеро. Конец августа радовал неожиданно теплой и сухой погодой, и глупо было упускать, возможно последнюю в этом году, во всяком случае до осенней поездки в Таиланд, возможность искупаться. В последний момент Елена Григорьевна заметила, что внучка подозрительно часто шмыгает носом и настояла на том, чтобы ребенок остался дома. Это решение породило море слез у возмущенной Дашеньки, несколько ехидных комментариев зятя и молчаливое неодобрение дочери. В итоге Елена Григорьевна увела заплаканную внучку на второй этаж, а когда спускалась вниз, входная дверь хлопнула, сообщив ей о том, что дочь с зятем уехали, не поцеловав ее на прощание.

Петр Александрович медленно, замирая на каждой ступени, словно ища сил для следующего шага, спускался по лестнице. Добравшись до первого этажа, он, шаркая ногами по полу, пересек гостиную и неуверенно остановился на пороге кухни, не имея сил сделать решающий шаг. Елена Григорьевна отняла от лица мокрое полотенце и взглянула на мужа. Он бросился к ней и, уткнувшись подбородком ей в плечо, всхлипнул:

– Дашеньки нет больше.

Елена Григорьевна стояла неподвижно, чувствуя, как от слез мужа становится мокрым висок. Наконец она подняла руку, по-прежнему сжимающую кухонное полотенце, и провела ею по спине Петра Александровича.

– Почему, Петя? – чуть слышно спросила она и тут же почувствовала, как напряглась спина мужа. – Почему ты не отдал деньги?

– Я не знаю, – голос мужа казался ей совсем незнакомым, – Гришка Алябин сказал, что всех возьмут при передаче, что все просто выйдет.

– А как вышло, Петя? – вновь прошептала Елена Григорьевна. – Если все так просто, почему же ты не отдал деньги?

Она отстранилась от мужа и вдруг яростно, ударив его по лицу полотенцем, выкрикнула:

– Почему ты не отдал эти чертовы деньги?!

– Я же не мог, – Петр Александрович даже не попытался защититься от удара, и теперь его левая щека наливалась красным, – я не мог прийти и сказать, вот у меня как раз есть тринадцать миллионов. Ты же знаешь, прокуратура и так землю роет, лишь бы что-то на меня найти, а тут вдруг раз, и такая сумма.

– Ты же мог сказать, что занял эти деньги у Гуревича, – Елена Григорьевна смотрела куда-то через плечо ищущего себе оправдания мужа, – или у Кравцова. Да у кого угодно. Такую сумму тебе много кто мог одолжить.

– Понимаешь, в упаковку положили патрон с краской. Гришка сказал, чтобы уж наверняка. Там краска несмываемая, нельзя отмыть. Вот и не стали класть деньги. – Он попытался было обнять жену, но Елена Григорьевна не позволила ему этого сделать. – Да если бы я только знал, что так будет! Что, неужели мне денег жалко?

– А что тебе жалко, Петя? – холодно спросила Елена Григорьевна, вновь скомкав несчастное полотенце. – Или кого? Себя?

Она, не глядя, бросила полотенце в сторону, и оно, не долетев до столешницы, бесформенной медузой упало на пол.

– Если захочешь кушать, борщ готов. Приятного аппетита, Петя.

Петр Александрович молча смотрел в след направляющейся к лестнице жене. Прямая спина, расправленные плечи. Даже сейчас по ее виду посторонний человек не смог бы понять, как велико обрушившееся на нее горе. Вот только бледное, неживое лицо Елены Григорьевны и дрожащий, как у младенца, подбородок выдавали ее подлинное состояние. Но этого Петр Александрович видеть не мог. Он прошел в гостиную и, тяжело опустившись в стоящее у камина кресло, уставился в распахнутый черный зев топки, в котором вот уже больше месяца, с приходом тепла, никто не разводил огонь.

Когда спустя почти полчаса Елена Григорьевна вновь спустилась в гостиную, ее муж все так же сидел в кресле, уставившись на не разожженный камин. Некоторое время женщина стояла, глядя мужу в затылок. В какой-то момент ей захотелось прижаться к его седой голове, обнять и не отпускать до тех пор, пока весь этот кошмар не кончится, но секунду спустя она поняла, что кошмар уже не кончится. Не кончится никогда.

– Ты ведь прав, Петя, – миролюбиво произнесла Елена Григорьевна.

– Прав? В чем же? – не оборачиваясь, спросил Петр Александрович.

– Насчет этой краски. Она ведь и впрямь несмываемая. Нам ее теперь вовек не отмыть.

– Лена!

Дрожь в голосе жены наконец заставила Петра Александровича повернуть голову. Точнее, он только начал ее поворачивать, поэтому не успел ни увидеть, ни испугаться того, как женщина, с которой он прожил вместе почти тридцать лет, направила ему в голову охотничий карабин и нажала на спусковой крючок.

* * *

– Повторите еще раз. Кого убили? – недоверчиво нахмурился дежурный.

– Молотова Петра Александровича, – женский голос в трубке звучал устало, – и Молотову Елену Григорьевну. Новоселов, четыре.

– Так, а вы кто, представьтесь, – потребовал дежурный.

– Молотова Елена Григорьевна, – печально произнес голос, и связь оборвалась.

Дежурный некоторое время недоуменно разглядывал замолкнувшую трубку, затем набрал номер начальника отдела.

– Товарищ подполковник, странный звонок поступил. Якобы из дома мэра. Сообщили, что его и жену только что убили. Да… Вот только, если я правильно понял, жена и звонила. Да, та, что убили… Я понимаю, что хулиганы. Мне машину высылать? Звонок ведь по сто двенадцать прошел. Понял, высылаю. Да, доложу сразу.

Глава 2

– Садись, Юрий Дмитриевич, посиди со мной немного. – Начальник Главного следственного управления по расследованию особо важных дел генерал Карнаухов преувеличенно дружелюбно улыбнулся вошедшему в его кабинет Реваеву. – Может, чайку?

– Спасибо, – полковник непринужденно уселся в предложенное ему кресло и закинул ногу на ногу, – я недавно кофе попил.

– Кофе? – удивился Карнаухов. – Смотри, супруга узнает, что ты здесь кофеем балуешься, она ведь все управление со света сживет. И мне достанется, что не слежу за тобой. Как, кстати, давление, скачет?

– Скачет понемногу, куда деваться, – нехотя признался Реваев. – Одно радует: если хоть что-то скачет, значит, я пока все же жив.

– Ну, раз мы тебя еще на пенсию не проводили, значит, точно жив, – подмигнул старому приятелю Илья Валерьевич, – а раз жив, значит, от тебя еще есть какая-то польза.

– Я думал наоборот, – улыбнулся Реваев, – потому на пенсию и не провожаете, что еще какая-то польза от меня есть.

– Ну, это примерно то же самое, только вид сбоку, – кивнул Карнаухов. – Слушай, я ведь тебе признаться хотел.

– Думаешь, стоит? – Реваев задумчиво потер переносицу.

– Может, и не стоит, деваться некуда, – вздохнул Илья Валерьевич. – Тут такое дело, Юра, обманул я тебя.

– Ну, это нормально, – глаза Реваева с усмешкой смотрели на Карнаухова сквозь толстые стекла очков, – для того ты и генерал, тебе по званию положено людей обманывать.

Но раз уж сознаваться начал, тогда давай конкретнее.

– Давай конкретнее, – охотно согласился Карнаухов. – Помнишь, когда ты из Курска вернулся, я тебе обещал, что до конца года никаких командировок больше не будет.

– Я-то помню, – кивнул Юрий Дмитриевич, – самое главное, Ольга Дмитриевна тоже помнит.

– Да? – сделал удивленное лицо начальник управления. – Мои наилучшие пожелания ей передавай непременно. А вообще, нечего служебную информацию дома разбалтывать. Тут такое дело закрутилось, – Карнаухов аппетитно причмокнул губами, – в общем, Юра, я понимаю, что ты устал мотаться, но надо ехать.

– И куда на сей раз? – По довольному лицу генерала Реваев сделал вывод, что предстоящее дело явно не сулит ему ничего хорошего.

– Вот представляешь, Юра, не знаю, – развел руками Илья Валерьевич, – так получается, что одним регионом никак не отделаться.

– Серия? – Лицо полковника вмиг стало серьезным.

– Серия, – кивнул Карнаухов, – только не по убийствам.

Юрий Дмитриевич терпеливо ждал, когда начальник следственного управления сам расскажет ему все подробности.

– Началось все с Нижнеярска. Точнее, правильно будет сказать, там все пока заканчивается. Но к нам первая информация пришла оттуда. Некто похитил внучку мэра города, некоего Молотова Петра Александровича, и запросил за ее освобождение двести тысяч долларов.

– Это ж больше тринадцати миллионов на наши, – быстро подсчитал Реваев.

– Я рад, что у тебя так хорошо с устным счетом. – Карнаухов нетерпеливо забарабанил по столу сухими длинными пальцами. – Я продолжу?

– Конечно, конечно, – усмехнулся полковник, – молчу.

– Вот и молчи, – одобрил Илья Валерьевич. – Дальше все пошло по стандартному сценарию, когда начальник местной полиции дружит семьями с главой города. Этот умник сам решил поймать похитителя. Вместо денег они смастерили муляж, а в придачу к этому заложили в него патрон с несмываемой краской. Отправили Молотова на встречу с похитителем. А сами пасли его тремя группами. Ну, про передатчик можно не говорить, сам понимаешь.

Реваев молча кивнул, не желая нарушать данное только что обещание.

– Поначалу все шло замечательно, похититель погонял Молотова по области на машине, группы вроде не засветились, и уже все ждали собственно контакта, когда вдруг Молотову поступила команда съехать к реке, сесть в моторную лодку и плыть по течению. Тут, конечно, все малость удивились, так как река дальше уходила прямо в тайгу, на машинах туда проехать было нельзя. Катера вызывать надо было из города, а вертолет так и вовсе из области. А это потеря времени, сам понимаешь. Хотя, врать не буду, сработали они оперативно. Тем временем Молотов плывет себе по реке, и тут выясняется, что в лодке есть еще одна рация. Так сказать, презент от похитителя. Он выходит на связь с Молотовым, заставляет его догола раздеться, полицейскую рацию выбросить, а затем двигать дальше к нужной точке. В общем, когда подоспела кавалерия, преступника уже не было и в помине. Следы кое-как отыскали по итогу, но они только до ближайшей грунтовки, там его окончательно потеряли.

– Печально, – нарушил обещание молчать Реваев.

– Не, пока нормально, – нервно махнул рукой Карнаухов, – печально сейчас начнется. На связь похититель в тот день больше не выходил. Не знаю, может, от краски отмывался. Зато на утро в сети появился телефон, с которого он первоначально звонил Молотову. Выехали на место, нашли телефон. – Карнаухов вздохнул.

– И тело ребенка, – продолжил за него Реваев. – Так?

– Так, – кивнул Илья Валерьевич, – если б не так, я тебя и звать не стал бы. Только это еще не вся сказка. Слушай дальше. Родители этой девочки погибли еще три года назад, на трассе расколотились. Так что жила она с дедушкой, мэром этого городишки, и, соответственно, бабушкой, его женой. Эта самая бабушка, очевидно узнав о том, что дорогой супруг положил вместо денег куклу, из-за чего внучка и погибла, взяла карабин и выстрелила мужу в затылок почти в упор. Затем она позвонила в полицию и сообщила, что в их доме находятся два трупа. Приехала группа и – что ты думаешь? – обнаружила два еще теплых тела. Бабушка рядышком с дедушкой. Такая вот страшная сказка.

– Да уж, невесело, – согласился полковник, – но ты уверен, что нам надо туда лезть? Я понимаю, ошибок понаделали, но теперь областное управление подключится, я думаю, разберутся.

– А ты меня невнимательно слушал, Юра. – Карнаухов похлопал по лежащим перед ним на столе листам бумаги. – Это у всей этой истории была только прелюдия.

– Присказка, – поправил Реваев, – у сказок обычно бывает присказка.

– Может, у каких сказок и присказка, – рассердился Карнаухов, – а у нас с тобой, Юра, точно прелюдия. Когда информация об этом деле прошла, я запросил все материалы по похищениям за последние три года. Уж больно этот тип спокойно сработал. И получилось, что я прав. Есть еще четыре подобных дела. Там, к счастью, без крови. Но сумма каждый раз была одна и та же. Двести тысяч долларов. Везде сработано очень профессионально, деньги ушли к похитителю, дети вернулись домой. Все преступления происходят с интервалом от двух с небольшим до трех месяцев. Один раз есть разрыв в полгода, но я так думаю, это не потому, что он в отпуск ездил.

– Не заявляли?

– Само собой, – кивнул Карнаухов, – удивительно, что вообще столько заявлений. Видишь, – он подмигнул Реваеву, – не все так плохо. Верит народ в следственные органы.

– Ну да, – Юрий Дмитриевич иронично улыбнулся, – имеет для этого все основания.

– Так, вот сейчас только не надо, – нахмурился Карнаухов, – я тебя для чего и позвал, чтоб имел он все основания, народ наш. Вот тебе те материалы, которые у меня есть, остальное сам запросишь. Пару дней тебе на размышление, а потом бери своих охламонов и выдвигайтесь.

– Было бы ясно, куда выдвигаться. – Реваев придвинул к себе пухлую папку.

– Если б я знал, вы бы у меня уже сегодня все вылетели, – фыркнул Карнаухов, – а так я вам даю возможность самим себе дорогу выбрать. Кстати, по поводу твоих охламонов. Ты, говорят, у себя там брачное агентство устроил?

– Прям так и говорят? – Реваев недовольно покачал головой. – Это, Илья, все от безделья болтают. Вот если бы кое-кто больше работал, а не совал нос куда не следует, то и болтали бы меньше.

– Так ведь кое у кого работа такая – нос куда попало совать, – хмыкнул Илья Валерьевич. – И что там, все серьезно или, как всегда у Мясоедова, баловство одно?

– Точно не скажу, но вроде серьезно, – пожал плечами Юрий Дмитриевич, – вроде как зимой в ЗАГС идти собираются.

– Так до зимы еще дожить надо. Ладно, ты ведь наши порядки знаешь. Пока будем считать, что ничего не происходит, ну а уж коли до ЗАГСа дело дойдет, то не обессудь, придется разгонять вашу гоп-компанию.

– Вообще-то они не находятся друг у друга в подчиненности, так что формально правил не нарушают.

– Так это формально, Юра, – иронично заметил Карнаухов, – а время формализма прошло, знаешь ли.

– Помнится, я это уже как-то слышал, – кивнул Реваев, – году эдак в восемьдесят пятом, я как раз в это время службу начинал.

– Ну видишь, как у нас все замечательно, – усмехнулся Илья Валерьевич, – время идет, а лозунги не меняются. Стабильность! Все, Юрий Дмитрия, иди думай, а я все же чайку попью.

– Попей, – Реваев встал из-за стола, – я-то еще генералам на службе делать? Хотя, говорят, приличные генералы только коньяк пьют. Вот прямо из чайных кружек. Может, врут, не знаешь?

– Товарищ полковник, вам самому не пора поработать немного? – возмутился Карнаухов.

– И то верно, – согласился Реваев, – пойду я, почитаю, что вы тут, Илья Валерьевич, интересного насобирали.

Три года назад

Когда дверь кабинета распахнулась, Денис машинально взглянул на часы. Светлана с Вадимкой пробыли в кабинете врача меньше семи минут. Быть может, все не так уж и плохо. Денис вскочил с деревянной лавки и шагнул навстречу появившейся из кабинета врача жене. Ее бледное, обескровленное лицо сказало ему, что на самом деле все гораздо хуже, чем можно было представить. Прижимая к груди Вадимку, Светлана быстро прошла по узкому коридору, словно пытаясь оказаться как можно дальше от кабинета, в котором только что побывала, и от диагноза, услышанного в этом кабинете. Силы оставили ее внезапно. Тонкая фигурка, замедлив шаг, покачнулась и, несомненно бы, упала, если бы не шедший прямо за ней Денис. Он подхватил жену и усадил на ближайшую лавку. Вадимка потянулся к отцу, и Денис осторожно забрал его себе на руки. Малыш радостно засопел ему прямо в ухо, а маленькая ручка ухватила Дениса за шею. Одной рукой Денис прижимал к себе сына, другой держал за руку плачущую Светлану.

– Светик, – неуверенно пробормотал он, – не плачь, Светик. Скажи, что нужно, какие лекарства, мы все достанем.

Услышав его голос, Светлана зарыдала еще сильнее, уже не стараясь себя сдерживать.

– Что мы достанем? – Она пыталась, но никак не могла найти в сумочке носовой платок. – Что мы достанем, Деня? Нужна операция.

Так и не найдя платка, она попыталась вытереть слезы рукавом, размазав по лицу тушь.

– Так и что? – не понял Денис. – Операция – это даже лучше. Разом все сделают, зато потом нормально все будет. Ты что, операции испугалась? Светусик, давай я тебя обниму, и мы успокоимся. Операция – это не страшно.

– Ты не понимаешь, – отрешенно покачала головой Светлана, – дело не в операции, дело в том, что нам ее никто делать не будет.

Вадимка болел уже давно. На самом деле, скорее всего, он родился с этой болезнью, вот только ясно стало это гораздо позже. Не один месяц прошел, прежде чем вечно недовольные и занятые чем-то более важным врачи перестали говорить фразу: «А что вы хотите? Все дети плачут!» – и начали искать причину этого плача. Не найдя этой причины в своей районной поликлинике, Громовы, в конце концов, получили направление в областную больницу, а спустя еще некоторое, потраченное впустую время и в столичный медицинский центр. Все это время Вадимке становилось только хуже, а приступы терзающей его боли случались все чаще. Иногда боль уходила, порой на несколько дней. Бывало даже, что в эти редкие, почти счастливые дни их сын улыбался. Но потом она обязательно возвращалась. Выписанные врачом обезболивающие действовали слабо. Вадимка часто плакал и скрежетал зубами во сне. К этому и Денис, и Светлана почти привыкли, если только вообще можно привыкнуть к страданиям своего ребенка. Иногда боль становилась такой сильной, что Вадимка не мог больше терпеть и начинал кричать. От этого жалобного и протяжного крика не боявшемуся ничего Денису хотелось зажать уши и убежать, убежать как можно дальше. Но бежать было нельзя, и тогда он брал кричащего ребенка на руки и прижимал к себе маленькое беззащитное тельце до тех пор, пока боль хоть немного не ослабевала.

И вот после долгого обследования в этом огромном современном центре врачи, наконец, смогли поставить диагноз, более того, они знали, что нужно сделать, чтобы победить болезнь, однако делать этого они не собирались. Они вновь были заняты чем-то другим.

– Подержи-ка, – Денис передал ребенка жене, – я сейчас разберусь, кто тут и что делать будет.

– Не надо, Денис! – Светлана вцепилась в руку мужа. – Дело не в нем, не врач решает.

– Ну кто-то же решает?

Возмущенный Денис замер в нерешительности. За долгие годы службы, привыкнув к быстроте принимаемых решений и следующих за ними действий, он и сейчас готов был попытаться решить все одним стремительным и яростным натиском.

– Пойдем, – Светлана поднялась со скамьи, – пойдем к машине. Я тебе все расскажу по дороге.

Автомобиль еле полз в плотном потоке по направлению к юго-восточной окраине города, на которой Громовы сняли квартиру на все время пребывания Вадимки в медицинском центре. Неспешное движение позволяло Денису осмыслить все, сказанное женой.

Нужную Вадимке операцию сделать могли, причем совершенно бесплатно, вот только с учетом того, что всего в год делалось подобных операций менее трехсот, а число ждущих своей очереди приближалось к восьми сотням, то ждать, как быстро прикинул Денис, пришлось бы около трех лет. Хотя врач сказал, что на самом деле ожидание составит года два, не больше, ведь очередь движется гораздо быстрее. Вот только не потому, что кто-то, преисполненный милосердия, делает дополнительные незапланированные операции, вовсе нет. Всего лишь потому, что многие ждущие спасения так и умирают, его не дождавшись. На вопрос Светланы, дождется ли ее сын своей очереди или тоже окажется в числе тех, благодаря кому эта очередь движется быстрее, врач лишь смущенно постучал по столу карандашом и сказал,

что точных прогнозов дать, к сожалению, не может, но риск того, что болезнь начнет прогрессировать, действительно есть.

Был еще один вариант. Он имел форму цветного буклета, отпечатанного на хорошей бумаге. В этом буклете вообще все было очень качественно. Красивые фотографии просторных светлых палат, добрых, все понимающих лиц людей в медицинской одежде, счастливых улыбок благополучно перенесших операции и начавших выздоравливать детей и их, еще не верящих своему счастью, родителей. Хвалебные отзывы пациентов. Максимально доступное, написанное простым человеческим языком объяснение, почему именно эта клиника является мировым лидером в данном виде лечения. Единственное, что было сделано небрежно, – это написанная от руки сумма, которую надо было оплатить клинике за предполагаемое лечение. Триста тысяч.

– Нет, это не евро, – успокоил врач, увидев испуганные глаза Светланы, – долларов.

Мясоедов заглушил двигатель, но не спешил открывать дверь автомобиля. Хриплый мужской голос, чуть слышно звучащий из множества автомобильных динамиков, призывал танцевать с ним до конца любви. Песня была старой, написанной за несколько лет до того, как родилась Вика, но нравилась им обоим. Вот и сейчас они молча сидели, держа друг друга за руки.

– Dance me to the end of love, – прошептала Виктория последние слова песни, – ты знаешь, о чем он поет?

– Нет, я же слабоват в английском. – Жора выключил радио, мгновенно в машине стало тихо, словно мир вокруг них полностью исчез в опускающихся на город сумерках.

– Он просит свою любимою вести его в танце к детям, которые у них родятся, просит подарить ему свою красоту, не обращая внимания на страх и горящую скрипку, просит быть с ним вместе и танцевать… Красиво, правда?

– Красиво, – вздохнул Жора, – только грустно очень.

– А ты заметил, красивые песни почти все грустные. Знаешь, когда я жила одна, порой вечером зажигала на полу свечи, включала какую-нибудь грустную музыку и так могла долго сидеть. Вроде бы даже ни о чем не думала, просто сидела, жалела себя, иногда, представляешь, даже плакала. Так хорошо было, красиво.

– Тебе сейчас красоты не хватает, – усмехнулся Жора, – или слез? Я могу пару часов покататься по округе, а ты посиди погрусти.

– Нет, – она нежно провела пальцами по его руке, – это будет не по-настоящему.

– А было по-настоящему? – Жора вполсилы, так, чтобы не причинить боль, сжал ее руку. – По-настоящему – либо грустно, либо красиво. Вместе не бывает.

– Наверно, ты прав, – согласилась Вика, – а вот странно, почему в кино так любят снимать похороны? И непременно так, чтоб было глаз не оторвать. Порой самая лучшая сцена в фильме бывает. Все стоят неподвижно, мужчины в черных костюмах, женщины в платьях, тоже черных, у многих на лице темные очки. И потом так красиво один из них что-то говорит, и от того, что он говорит, тебе вовсе не умершего жалко, а ты думаешь, как же красиво он сказал. Вот если бы на моих похоронах кто-то смог так красиво сказать. А дальше все присутствующие один за другим начинают подходить к могиле, наклоняться и бросать вниз горсть земли. И вот земля рассыпается по этому красивому полированному гробу, и тут кто-то, неизвестная женщина например, кидает вместо земли розу. И ты понимаешь, вот именно она любила так, как никто на свете любить не может, и тебе становится немного жалко, но опять не умершего, а ту женщину с лицом закрытым вуалью, которая бросила этот одинокий цветок. А потом сверху чьи-то равнодушные руки вновь кидают новые горсти земли, и они засыпают несчастную розу. И тут, когда все уже собираются расходиться, неожиданно начинается ливень. И все эти кра-

сивые мужчины и женщины в черных костюмах и платьях вмиг раскрывают десятки черных зонтов и так стоят неподвижно под дождем. В черных очках и под черными зонтами.

– И народу всегда толпа, – буркнул Жора, думая о том, что самое время переместиться ближе к холодильнику, в котором еще оставались приготовленные в воскресенье котлеты. – Я вот был в том месяце у тетки в деревне на похоронах, так нас там всего четверо собралось. Я, сестра с мужем и соседка теткина. И то соседка терлась, пока думала, что потом на поминках наливать будут. А как поняла, что мы все после похорон сразу уедем, так и рассосалась потихому. В жизни, Викусик, не как в кино, все попроще, грязи побольше и есть по вечерам очень хочется.

К искреннему огорчению Мясоедова, глубоко задумавшаяся Виктория проигнорировала его последний комментарий.

– А кто же этих всех Молотовых хоронил? – вздохнула Крылова. – У меня в голове не укладывается, в один день разом всю семью выкосило.

– Ну, кто-нибудь хоронил, – Жора флегматично пожал плечами, – мэр все-таки. Если очень надо, я туда прилечу, могу узнать.

– Нет. Не надо, – покачала головой Вика, – пойдем лучше домой. Ты ведь, наверно, уже голодный.

– Есть немного, – обрадовался Мясоедов.

Получив одобрение Реваева, Вика с утра сама отвезла Жору в аэропорт, а потому приехала в управление уже ближе к одиннадцати. Войдя в лифт, она привычно взглянула в висевшее на стене зеркало и поправила выбившуюся прядь волос.

– Вы прекрасно выглядите!

От неожиданности Крылова вздрогнула и, обернувшись к успевшему заскочить в лифт начальнику следственного управления, невнятно поздоровалась. Карнаухов нажал нужную ему кнопку на панели управления и улыбнулся Виктории.

– Вот когда я был следователем, ни разу у меня в группе не было такого очаровательного сотрудника. Реваев мне вас постоянно нахваливает.

Покрасневшая от смущения, Крылова не знала, что ответить, чем явно забавляла Илью Валерьевича.

– Я даже слышал, – подмигнул ей Карнаухов, – что в вас влюблены все сотрудники вашей группы, включая Юрия Дмитриевича.

– Что вы, Юрий Дмитриевич у нас однолюб, – пробормотала Виктория и выскочила в очень кстати открывшиеся двери лифта.

Когда она вошла в кабинет Реваева, лицо ее все еще было раскрасневшимся от возмущения.

– Что случилась, Вика? Чего пыхтишь? – Полковник внимательно взглянул на Крылову. – Ты решила подняться на седьмой этаж пешком?

– Да уж лучше бы так, – решила поделиться своим возмущением Крылова, – чем в лифте шуточки Карнаухова выслушивать.

– А что, в Илье Валерьевиче пробудилась склонность к остроумию? – удивился Реваев. – Никогда за ним подобного недостатка не замечал. И какая была заявленная тема для юмора? Хотя, можешь не отвечать, – усмехнулся полковник, – коли ты так разъершилась, значит, это явно о личном. Неужто про твоего Мясоедова?

– Если бы только, – выдохнула, постепенно успокаиваясь, Крылова, – так он еще и вас приплел. Я тут чуть ли не со всей группой шуры-муры кручу.

– Ну ладно тебе, у нас, во-первых, от группы всего три человека осталось, – успокоил ее Юрий Дмитриевич, – и неясно, когда Георгию наконец напарника дадут нового, а во-вторых, –

Реваев неожиданно озорно подмигнул, – разве я еще не мужчина в самом расцвете сил? Со мной еще вполне можно и шуры покрутить, и даже муры. Георгий ведь уже в самолете?

– Юрий Дмитриевич, – Крылова шутливо погрозила полковнику пальчиком, – вот супруга ваша узнает, что вы такое говорите, и земля содрогнется.

– Что за жизнь пошла, наверное, это старость, – притворно вздохнул Реваев, – второй день меня все женой пугают, вчера Карнаухов, теперь вот ты. А Ольга Дмитриевна ведь добрейшей души человек. Кстати, – полковник нахмурился, – она не звонила последнее время, ничего не спрашивала?

– Да уж недели две, как затишье, – рассмеялась Крылова, – но в последний разговор она долго меня пытала.

– Да? И что хотела?

– Узнавала, берете ли вы суп на обед в столовой, пьете кофе один или с Карнауховым, а если с Карнауховым, то не добавляете ли в кофе коньяк.

– Ну и? – напрягся Реваев.

– Все, как вы учили, Юрий Дмитриевич, суп едите, с Карнауховым пьете раздельно. Вы – чай, он – коньяк.

– Что, так про генерала и сказала? – поднял брови Реваев.

– Нет, про генерала ничего не сказала, – усмехнулась Крылова, – откуда ж я знаю, чего он там пьет.

– Ну и славненько, – кивнул Реваев, – меньше знаешь, крепче спишь. А сказала все правильно, молодец. Ольга Дмитриевна нас в покое все равно не оставит, но ты у нее пользуешься доверием. Что касается Карнаухова, – голос Реваева стал серьезным, – то он про ваши отношения с Георгием знает, кто-то сообщил. Помолчи пока, – махнул он рукой на вновь вспыхнувшую Крылову, – сама знаешь, где работаешь. Здесь все всё знают, особенно то, что никого не касается. Так вот, я Илье Валерьевичу сказал, что вы о ЗАГСе подумываете. Хочу, чтоб ты заранее понимала. Сейчас его ваши отношения особо не интересуют, в лифте это ему, видать, скучно было. Но если дойдет до свадьбы, – Реваев задумчиво потер подбородок, – то, во-первых, Карнаухова надо будет пригласить обязательно, а во-вторых, работать вместе с Георгием в одной группе вы вряд ли сможете. Хотя формально вы положение о подчиненности не нарушаете, но тем не менее. Но ты заранее не грусти, может, это и к лучшему. Круглые сутки вместе быть – это никакого терпения не хватит, чтоб Жору вынести.

– И кому надо будет уйти?

Полковник поежился под пристальным взглядом Виктории.

– Вот только не надо меня гипнотизировать. Еще куча времени впереди, да и кадровые вопросы не в моей компетенции. Опять же, какие будут вакансии. Если подвернется хороший вариант для Георгия, так почему им не воспользоваться, а может, что-то тебе приглянется. Давай пока гадать не будем. Договорились?

– Договорились, – кивнула Крылова, но по ее лицу было видно, что договор особой радости у нее не вызывает.

– Хорошо, тогда давай поработаем. – Реваев открыл лежащую перед ним папку с материалами дела, поправил чуть сползшие вниз очки и некоторое время задумчиво смотрел на лежащие перед ним документы. – Я тут посидел вечерком, полистал бумажки. Вот что думаю: наш похититель действует по четкой схеме. Отлавливает мамочек с детьми, дальше действует очень быстро и жестко, такое ощущение, что человек подготовленный. Все способы передачи денег, что у него были, очень толковые, и видно, что он изначально настроен на то, что его будут пытаться взять на передаче. Действует не на авось. Если деньги получены, в течение суток ребенок находится. То есть насилие как таковое не его цель.

– Может, и не цель, но как он к нему легко прибегает, – не согласилась Крылова, – я уже не говорю про последнее убийство, но когда он отрезал ребенку палец только из-за того, что выкуп передали на день позже. Это же дикость какая-то, у него явно проблемы с психикой.

– Ну знаешь, я, когда в пятницу в пробке по часу стою, у меня тоже проблемы с психикой. Но у него насилие имеет ярко выраженный мотив. Он диктует свои условия и не позволяет их нарушать. Родственники похищенных ведь были предупреждены о последствиях в случае попытки его обмануть. Так что он тоже делает именно то, что и должен был делать.

– Вас послушать, так лучшее, что могли сделать родственники, – это к нам вовсе не обращаться, – возмутилась Крылова.

– Этот сложный вопрос ты, Виктория, могла бы обсудить с кем-то из Молотовых, но, к сожалению, эта дискуссия состояться не может физически. А вот с кем я тебе настоятельно рекомендую пообщаться, так это с психологом.

– Мне, с психологом? – вновь покраснела Крылова. – Вы думаете, нужно?

– Несомненно, – кивнул Реваев, – и чем скорее, тем лучше. Я, кстати, одного хорошего специалиста знаю.

– Это все оттого, что я так из-за Карнаухова завелась? – Реваеву показалось, что Вика готова расплакаться. – Вы только ему, пожалуйста, ничего не говорите. Хорошо? Я его и так боюсь, у него всегда такой взгляд осуждающий, словно я юбку надеть забыла.

– Ну знаешь, если бы проблема была в юбке, он бы тебе и слова не сказал, – усмехнулся Реваев, – Илья Валерьевич всегда был ценителем женских красот. И я так тебе скажу: годы его не сломали. А вот насчет психолога, я теперь и не знаю, что тебе посоветовать. Вообще-то изначально я хотел тебя отправить, чтобы вы попробовали составить психологический портрет преступника. Но, раз у тебя такие проблемы…

– Проблем нет. – Крылова выпрямилась и сложила на столе руки, словно прилежная школьница. – Давайте координаты психолога. Будем делать портрет.

Глава 3

Три года назад

Действовать надо было быстро, и, вернувшись в родной Завельск, Денис активизировался. Проще всего было с квартирой. Звонки от желающих купить трешку, расположенную пусть и не в новом, зато сталинской постройки доме в самом центре города и выходящую окнами на городской парк, начались сразу же после появления в киосках газеты с объявлениями. Всего год назад, сразу после выхода на пенсию, Денис сделал в квартире неплохой ремонт, поэтому теперь озвучивал любопытным одну из самых высоких цен в городе на квартиры такой площади, уверенный, что рано или поздно покупатель найдется. И действительно, меньше чем через неделю после выхода первого объявления квартиру приехала смотреть семейная пара – молодой мужчина лет тридцати и девушка, которой, на взгляд Дениса, было не более восемнадцати. Походив по комнатам и зачем-то спустив для пробы воду в унитазе, словно сомневаясь, что квартира подключена к канализации, молодые люди недолго пошептались в прихожей и озвучили Громовым свое решение. Квартиру они готовы купить, платить могут наличными, поэтому, если хозяева не возражают, то можно прямо сейчас посмотреть все документы, а завтра с утра заключить договор и сдать документы на регистрацию.

– Завтра? – ошеломленно переспросила Светлана.

– Что-то не так? – удивился молодой человек. – Вы ведь продаете?

– Продаем, конечно. Только не ожидали, что все это будет так быстро. Нам же ведь еще выписаться надо.

– А вы не выписывались? – еще больше удивился мужчина. – Как вы вообще тогда продавать собираетесь? Кстати, вам есть где регистрироваться? Ведь просто так выписаться нельзя, еще и с ребенком.

– Да, все есть, – вмешался молчавший до этого Денис. – Давайте сделаем так, мы завтра же с утра едем и подаем заявления на новую прописку. Я узнавал, за неделю уже все сделают. Мы за эти дни оформим согласие на продажу у нотариуса и перевезем кое-что из вещей. Вы как, неделю подождать сможете? Время терпит?

В этот момент в комнате заплакал Вадимка. Оставив мужа разбираться с потенциальными покупателями, Светлана бросилась к ребенку. Денис взглянул на захлопнувшуюся за ее спиной дверь детской и подумал, что у покупателей время, может, и терпит, а вот у его сына возможности долго ждать нет точно.

Худшим в перспективе остаться без своего жилья и, будучи прописанными в однушке у родителей Светланы, жить в съемной квартире, было то, что все эти жертвы не позволяли собрать нужную на лечение сумму.

– Вот что-то я не пойму, – Денис задумчиво тыкал пальцем в кнопки калькулятора, – я помню, мы как-то прикидывали, что у нас квартира больше ста тысяч в долларах стоила, а сейчас я вот пересчитываю, и у меня даже пятьдесят не набирается.

– Ну еще посчитай, – с трудом уложившая спать ребенка Светлана обессиленно опустилась на стул, – ты б еще детство вспомнил, тогда, говорят, доллар по шесть рублей был или по три, уже и не помню. Ты ж в Крым хотел съездить, Ласточкино гнездо посмотреть. Посмотрел? Ну вот, считай, оплатил билеты.

– А при чем тут это? – оторопел Денис.

– А ни при чем. У нас все ни при чем. Мы с тобой только вдвое бедней стали, но все ни при чем.

– Ну ты тоже скажешь, тут у всех так вышло, – пытаясь успокоить жену, протянул Денис, – чего ж теперь сделаешь?

– А я не знаю, что у всех, Денис. Мне на всех наплевать. Другим, может, доллары не нужны. Колбаса, слава богу, за рубли в магазине. Мне они пока тоже не нужны были, все равно было. А теперь нам как быть? Ты понимаешь, что нам платить надо? Это же твой сын! За его жизнь надо деньги отдать. Нормальные деньги, а не те, которые были, а потом – пшик, и все стало вдвое дороже. Все подорожало, а эта чертова квартира как была, так и осталась.

– Найдем мы деньги, успокойся, – Денис протянул руку и коснулся дрожащего плеча жены, – я письмо написал в министерство обороны. Уже два дня, как отправил. Всяко помочь должны, все же четверть века отслужил. Завтра думаю в мэрию пойти, на прием записаться. У нас мэр, говорят, нормальный мужик, может, посодействует. Что-нибудь по-любому придумаем.

– Придумаем. – Светлана вытерла уже готовую сорваться на щеку слезу. – Я вот, знаешь, как думаю, если у тебя были деньги, а потом ты просыпаешься, а от них только половина осталась, значит, тебя обокрали. Правильно же я понимаю?

– Ну наверно, – не стал спорить с женой Денис.

– Вот и у нас с тобой было сто тысяч, а стало пятьдесят. Значит, нас тоже обокрали, верно? Вот только кто нас обокрал, скажи мне.

Денис угрюмо молчал. Он мог бы попытаться объяснить жене, что ста тысяч долларов у них не было, а была квартира, которую они могли продать за эти деньги. Но тогда им этого было не нужно. А сейчас у них есть та же самая квартира, что и раньше, а значит, никто и ничего у них не украл. Не факт, что он сумел бы это жене сейчас объяснить, но попытаться было можно. Однако Денис молчал. Он не хотел спорить со Светланой, не хотел, чтобы в уголках ее глаз опять появились слезинки. А еще потому, что где-то в глубине души чувствовал, что в чем-то жена права.

Выйдя из кабинета Реваева, Вика сразу же набрала номер психолога и договорилась о встрече во второй половине дня.

– Лучше всего, если вы подъедете часика в четыре, – женский голос в трубке звучал доброжелательно, – я к этому времени закончу текущие дела, и мы с вами сможем посидеть, спокойно поговорить.

Крылову это вполне устраивало. У нее как раз оставалось время, чтобы сделать ксерокопии документов, которые могут понадобиться психологу для составления портрета преступника, а заодно самой все еще раз как следует пересмотреть и подумать, на что стоит обратить особое внимание. Попутно Виктория не удержалась и поискала в Интернете информацию о Сибгатуллиной Яне Ринатовне, с которой и должна была вскоре встретиться. Информации было немного, но и того, что удалось найти, оказалось вполне достаточно. 1963 года рождения, преподаватель Московской психолого-педагогической академии, с 2014 года – декан факультета юридической психологии, доктор психологических наук, автор десятков научных статей, ведущий специалист, изучающий криминальную психологию и девиантное поведение. Судя по всему, Реваев не зря решил прибегнуть к услугам именно этого специалиста, а не штатного психолога.

Психолого-педагогическая академия располагалась в одном из тихих переулков недалеко от станции метро «Сухаревская». Быстрее всего туда было добраться общественным транспортом, но, решив, что после встречи с психологом в управление можно будет не возвращаться, Крылова поехала на машине. С трудом найдя место для парковки, она оставила свой миниатюрный «смарт» в паре кварталов от академии и с удовольствием прошлась несколько сотен метров пешком. Первые дни сентября радовали необыкновенно теплой погодой, и, поднявшись по гранитным ступеням крыльца, Вика невольно остановилась, чтобы несколько мгнове-

ний постоять, подставив лицо солнечным лучам. Тяжелые деревянные двери распахнулись, и мимо Крыловой, что-то бурно обсуждая, прошагала компания молодых ребят, очевидно, студентов. Суть их спора Виктория уловить не успела, но вспомнила, как и она, будучи студенткой юридического факультета, точно так же о чем-то бурно спорила, что-то доказывала и верила, что, закончив обучение, ей непременно удастся сделать этот мир чуточку лучше. Вика грустно улыбнулась. Она явно была слишком оптимистична в своих планах. Улучшить этот мир… Пока все, что она может делать, – это стараться, чтобы этот мир не стал хуже. В принципе, не такая уж и плохая работа. Крылова потянула на себя высоченную дверь и, с трудом распахнув ее, вошла в здание академии. Показав пожилому охраннику свое удостоверение и выяснив, где находится нужный ей кабинет, Виктория легко взбежала на третий этаж.

– Вы как раз вовремя, – с улыбкой поприветствовала ее Яна Ринатовна, маленькая худая женщина, приятное лицо которой совсем не портили тонкие усики, отчетливо проступающие над верхней губой, – чайник только вскипел, а в буфете сегодня были замечательные ватрушки с творогом. Так что располагайтесь, попьем чаю, и вы мне все подробно расскажете.

Внимательно выслушав Крылову и бегло просмотрев некоторые документы, Яна Ринатовна закрыла папку и аккуратно завязала тесемки на бантик.

– Ну что же, Виктория, оставляйте бумаги. Все это надо внимательно изучить.

– Да, конечно, – кивнула Крылова, – только вы же понимаете, сроки…

– Я понимаю, – мягко улыбнулась Яна Ринатовна, – в таких делах всегда образуется временной казус. С одной стороны, время дает преступнику раскрыться, что, как показывает практика, неизбежно приводит его к совершению ошибки, с другой стороны, это время позволяет ему совершать новые преступления. Поскольку для нас с вами практическая сторона вопроса важнее научной, будем стараться сделать все как можно быстрее, но дня три-четыре мне понадобится в любом случае.

– Спасибо, – обрадовалась Вика, – тогда я вас не буду беспокоить понапрасну, если вам не будет трудно, наберите меня, я сразу же к вам подъеду. Единственное, у нас сейчас сотрудник в командировку поехал, посмотреть все места похищений, с родственниками пообщаться. Если от него будет какая-то дополнительная информация, я вас наберу. Но скорее всего, нет – пять похищений в разных регионах, его недели две не будет, я думаю.

– Хорошо, так и сделаем, – согласилась Яна Ринатовна, бросив взгляд на визитку, – капитан Крылова. Мне всегда казалось странным сочетание воинских званий с женским именем. Есть в этом некоторая девиантность.

– Знаете, я, если честно, не очень понимаю, зачем нам все эти звания нужны. Все равно ведь все зависит от занимаемой должности, ну или от самого человека. Вот у меня подойдет выслуга, получу майора. Обязанности те же останутся, прав больше не станет. Что у меня изменится? Ничего! Хотя, нет, зарплата немного прибавится.

– Вот видите, мы с вами раскрыли сакральный смысл звездочек на погонах, – рассмеялась Яна Ринатовна, – я довольно часто общаюсь с представителями наших силовых ведомств. Знаете, если бы они всегда помнили, что звездочки на погонах сами по себе не дают им никаких особых прав, общаться с ними было бы гораздо приятнее.

Три года назад

Тратиться на грузчиков не хотелось, и Денис попросил о помощи Ромку – соседа, с которым они до этого пару раз вместе выпивали и по примеру которого Денис решил заняться грузоперевозками и купил грузовичок. Перетащить вещи со второго этажа и закинуть их в газель вначале показалось делом не самым трудным, однако, сделав несколько ходок, они оба запыхались. Особенно неподъемным оказался холодильник, который они с трудом смогли поднять в кузов.

– Еще пара таких ходок, и мне кирдык. – Роман устало вытер с лица пот.

– Нет, там из крупного только диван остался, но он всяко легче будет, да и его на две части разъединить можно. – Обессиленный, Денис прислонился к борту газели.

– Если можно, разъединим, – кивнул сосед, – лучше лишний раз сходим, чем спину гробить. Кстати, а подымать ты это все как будешь?

– Да там, вроде, лифт есть, – Денис только сейчас понял, что один в подъезд он холодильник точно не занесет, – на месте разберусь как-нибудь.

– Как-нибудь дело хорошее, – усмехнулся Роман, – сам всегда так делаю. Если бы ты раньше предупредил, я б хоть Кольку позвал, он нормальный мужик, без денег помог бы. Да и силы у него, что у коня.

В отличие от Дениса, всего полгода как купившего газель, Роман занимался грузоперевозками уже несколько лет. Два года назад он наконец накопил на вторую машину, на которой и ездил тот самый Колька.

– Ладно, – махнул он рукой, – что теперь говорить попусту? Придется с тобой ехать.

– Слушай, ну ты меня выручаешь, век должен буду. – Денис в порыве чувств хлопнул соседа по плечу.

– Ты не думай, запомню, – рассмеялся тот в ответ, – ежели вдруг переезжать куда надумаю, тебя непременно позову. Ты же только адрес меняешь? Телефон тот же будет?

– И телефон тот же, да и адрес ты сейчас узнаешь, – улыбнулся Денис. – Ладно, передохнули малость, пошли за диваном.

Загрузив наконец в газель все, с чем Денис не смог бы справиться самостоятельно, они сели в машину и уже через десять минут стояли у подъезда невзрачной девятиэтажки на окраине города. Затащив в подъезд холодильник и увидев, что лифт в доме только пассажирский, Роман приуныл.

– Только не говори, что этаж восьмой.

– Нет, не восьмой, – Денис нажал кнопку вызова, – а что, девятый тебя устраивает?

– Просто я оптимист, – отозвался Роман, – я верю, что девятый быть не может.

– Ну, считай, тебе повезло. – Задрав голову, Денис наблюдал, как одна за другой вспыхивают и гаснут цифры, показывающие нахождение пассажирского лифта. – Четвертый.

– Ну это терпимо, – облегченно вздохнул сосед, – так-то мы мебель подразобрали, кроме дивана вашего, считай, все в лифт должно войти. Ну а диван с парой перекуров допрем как-нибудь.

– Ну да, впору ради такого дела курить начать, – согласился Денис.

– У нас будет вроде безалкогольного пива безкуревные перекуры.

Двери лифта распахнулись, и из них выскочила маленькая собачонка неизвестной Денису породы, а следом показалась и ее владелица – полная женщина средних лет, окинувшая недовольным взглядом обоих мужчин и возвышавшийся между ними холодильник.

– Вы смотрите стенки у лифта не поцарапайте, я проверю потом. Могли бы и пешком занести, два бугая таких здоровых.

Собачонка, очевидно выражая свое полное согласие с хозяйкой, задорно тявкнула и тут же, на всякий случай, отбежала в сторону.

– И собаку мне не пугайте, – еще более недовольным тоном произнесла женщина.

Денис счел лучшим вариантом не вступать с ней в дискуссию. Выставив ногу, чтобы не дать створкам лифта закрыться, он ухватил холодильник со своей стороны и скомандовал:

– Давай на меня понемногу.

– Даю-даю, – прокряхтел в ответ Роман.

После того как в несколько заходов на лифте было поднято почти все имущество Громовых, настала очередь многострадального дивана. Денис был уверен, что лестничные марши в девятиэтажке значительно уже, чем должны быть, ибо если это не так, то почему они при каж-

дом повороте задевают углом дивана то одну стену, то другую. Роман на высказанные Денисом вслух мысли отреагировал лишь угрюмым сопением и предложением передохнуть на площадке третьего этажа.

Когда в конце концов диван занял свое место у стены единственной комнаты в снятой Громовыми квартире, они некоторое время сидели на нем молча, наслаждаясь радостным пониманием того, что больше ничего и никуда нести нет надобности.

– Квартирка, конечно, так себе, – Роман наконец нашел в себе силы посмотреть по сторонам, – самый дешевый вариант искали?

– Ну а как еще? – кивнул Денис. – У нас с деньгами вообще засада полная. За операцию триста тысяч заломили. Не рублей, долларов. Где брать, непонятно. За квартиру примерно полтинник вышел, кое-что у меня было. Союз офицеров вот расщедрился, еще десять тысяч подкинул, говорят, больше нет у них. По итогу лишь девяносто набрал.

– Из трехсот? Круто, – хмыкнул Роман, – а что, в администрацию не ходил?

– Да как не ходил? И ходил, и писал, а что толку! Говорят, что из бюджета денег выделить не могут, нецелевое использование средств будет. Нормально, да? Ребенка лечить – это у них нецелевое. Передали наши данные в какой-то фонд, а там тоже, оказывается, очередина, месяца три-четыре ждать придется, и то в лучшем случае. – Денис устало махнул рукой и замолчал.

– Печально, – покачал головой Роман, – слушай, я тебе, конечно, помочь сильно вряд ли смогу, но, ежели что, десятку дам. Так что, считай, сотка у тебя уже есть.

– Спасибо, – Денис крепко стиснул ладонь приятеля, – как смогу, сразу отдам.

– Да ладно, угомонись, – усмехнулся Роман, – отдаст он. Ты лучше думай, где тебе остаток набрать. Двести – приличная сумма, очень приличная.

– Да уж, двести… – вздохнул Денис. – Я уж и так скоро голову сломаю от этих мыслей. Ладно, поехали обратно. Я сегодня еще вторую ходку хочу сделать, мелочовку всякую отвезти. Но это я уж один управлюсь.

Дом под Дятьково он снял еще в июне, заплатив хозяину за полгода. Так было надежнее. Получив приличную сумму, хозяин построенного в советские годы, но еще довольно крепкого кирпичного дома, расположенного на краю села, уехал к себе в Брянск, пообещав не беспокоить своего арендатора по пустякам. И действительно, за все лето он появлялся лишь однажды. Прошелся по участку, чтобы убедиться, что тот не зарос сорняками, ненадолго заглянул в дом, оставил телефон лесника, через которого все в округе покупали дрова за полцены, и, довольный увиденным, убрался восвояси. Деревня, в которой находился дом, была расположена примерно в десяти километрах от Дятьково, небольшого городка в Брянской области. Из любопытства он один раз съездил в город, прокатился по его ничем не примечательным улочкам и, купив продуктов в одном из супермаркетов, возвратился в деревню. Само Дятьково его абсолютно не интересовало, а его окрестности были выбраны для поиска дома лишь по одной причине. Дятьковский район граничил с соседней Калужской областью, а от арендованного им дома до другого районного центра – Людиново – было не более двадцати километров. Он прекрасно понимал, что граница между двумя областями – понятие весьма призрачное, и тем не менее, зная, как работает бюрократическая система, понимал: даже такая условная граница может дать ему пусть небольшую, но фору во времени.

На его взгляд, Людиново оказалось чуть симпатичнее. Выйдя из автомобиля, он немного постоял у парапета городской набережной, однако поднявшийся ветер вскоре загнал его обратно в машину. Выпив кофе из небольшого металлического термоса, он почувствовал себя гораздо бодрее. В конце концов, в Людиново он приехал не видами любоваться. Его ждала работа. Проехав пару кварталов, он остановился недалеко от здания музыкальной школы и, подтянув молнию куртки под самое горло, вновь вышел из машины. Пройдясь вдоль грязно-

желтого, давно некрашенного фасада, он удовлетворенно улыбнулся. Камера была только одна. Она висела на крыльце музыкальной школы, прямо над дверью, и ничего, кроме самого крыльца и небольшого куска асфальта перед ступенями, видеть не могла. Вернувшись в машину, он подъехал чуть ближе к зданию и встал так, чтобы иметь возможность видеть все подъезжающие автомобили.

Просидев в томительном ожидании почти три часа, он так и не дождался появления нужной машины. Правда, еще парочка вариантов привлекла его внимание, и он незаметно сделал несколько фотографий. Мочевой пузырь все настойчивее напоминал о своем существовании. Он огляделся по сторонам. Кусты, разросшиеся у ограды, вполне могли его выручить. Конечно, можно было представиться одним из родителей занимающихся юных музыкантов и воспользоваться туалетом в школе, вахтер наверняка бы его пустила, но привлекать к своей персоне внимание даже такой мелочью не хотелось. Он еще раз взглянул на густые заросли и уже собрался было выйти из машины, как по тропинке, как раз мимо кустов, прошла пожилая женщина, несущая в обеих руках пакеты с продуктами. Вот будет забавно, если в самый неподходящий момент мимо пойдет еще какая-нибудь тетка и заметит его. Шуму ведь тогда не оберешься. Да и в любом случае ему, скорее всего, дежурить здесь не один день. Не может же он постоянно бегать в кусты, рискуя быть замеченным. Он вышел из машины и, поежившись от пронзительного, совсем не подходящего для начала сентября ветра, быстро забрался на заднее сиденье. Теперь тонированные стекла надежно защищали его от случайных любопытных взглядов. Пустая бутылка от питьевого йогурта, взятая именно для этих целей, лежала тут же на сиденье. У нее было два неоспоримых преимущества перед обычной бутылкой от питьевой воды. Во-первых, она была непрозрачной. Если уж в салоне должна валяться наполненная мочой емкость, то пусть ее содержимого не будет видно. А во-вторых, горлышко у нее было чуть шире, чем у бутылок с водой, а это было весьма немаловажно, во всяком случае, пользоваться было гораздо удобнее.

Нужный автомобиль в тот день так и не появился. Он не стал исключать вероятность того, что ребенок пришел на занятия пешком или его подвез кто-то другой, поэтому прождал до тех пор, пока из школы не вышли последние ученики.

Солнце уже давно закатилось за крышу стоящей через дорогу пятиэтажки. Еще некоторое время на улице было довольно светло, но затем сумерки стали стремительно становиться все гуще, пока не превратились в темноту, рассекаемую светом уличных фонарей да отъезжающих от здания школы машин. Ждать дальше не имело никакого смысла. Он плавно отъехал от тротуара. Если не спешить, то через двадцать минут он будет дома.

Сибгатуллина позвонила Крыловой на четвертый день. Спустя час Виктория уже поднималась по знакомым ступеням психолого-педагогической академии. По дороге она успела заскочить в магазин и купить к чаю творожные кольца, чем весьма обрадовала Яну Ринатовну.

– Колечки, – она словно ребенок всплеснула маленькими ручками, – да еще свежие, это просто замечательно. А то ведь сегодня понедельник, и в нашем буфете выложили все то, что осталось еще с субботы. На мой взгляд, есть это без вреда для организма возможным совершенно не представляется. – Она грустно вздохнула. – Уже сколько раз об этом говорилось ректору, но ничего не меняется из года в год. Студенты, сами понимаете, готовы съесть все что угодно, молодые желудки пока позволяют, а преподавателям, по мнению ректора, надо больше сосредоточиться на педагогических проблемах, а не на таких мелочах, как подсохшая выпечка. Такая вот психология. – Она вновь вздохнула и стала наливать кипяток в чашки. – Но вам, Вика, это все вряд ли интересно. Давайте поговорим о нашем похитителе. Кстати, вы ему уже дали какое-нибудь имя?

– Пока не до этого было, – Крылова придвинула к себе чашку с чаем, – сейчас почти все время работаем по расстрелу на Лобачевского.

– Дело МГИМО, если не ошибаюсь?

– Оно самое. – Виктория аккуратно раскрыла упаковку с творожными кольцами. – Вот ему сразу имя нашлось. Хотя, что удивляться, столько шума было. А что касается нашего похитителя, то сейчас фактически по каждому эпизоду работает своя следственная группа. Сами понимаете, если преступник никак не был связан с жертвами, а находил их в случайном порядке, то, чтобы его найти, надо отрабатывать все возможные зацепки по месту преступления. За последние годы столько камер везде понаставили, где-то он мог засветиться.

– Возможно, – кивнула Яна Ринатовна, – но, если я правильно понимаю, со времени предыдущих случаев срок уже немалый прошел. По сути, вы можете работать только с последним эпизодом, ну, может быть, еще с предшествующим ему.

– Так и есть. – Виктория попробовала пирожное и улыбнулась: творожные кольца и впрямь были свежие и буквально таяли во рту. – Как раз эти дни наш сотрудник пробыл на месте последнего похищения, а вчера вечером вылетел в Саратов, там был предыдущий случай.

– От него была какая-то информация, которую я могла бы использовать?

– Нет. – Крылова ждала этого вопроса, поэтому ответила не задумываясь.

– Ну что же. – Яна Ринатовна отодвинула чашку и выложила перед собой тонкую папку. – Тогда вот результаты моего анализа. Хочу сказать сразу, – она положила ладонь на папку, словно защищая ее, – вы не найдете здесь ничего сверхъестественного. Если вы что-то читали на эту тему, то, возможно, и так знаете. Личностное моделирование основано на простейшем методе экстраполяции. Вы же в курсе, что такое экстраполяция?

– Конечно, – улыбнулась Виктория, – экстраполяция – особый тип аппроксимации, при котором функция аппроксимируется вне заданного интервала, а не между заданными значениями.

– Вам зачет, – рассмеялась Яна Ринатовна, – откуда такие познания в терминологии?

– Да это у меня папа математик, – объяснила Крылова, – он работает в институте экономического моделирования и порой любит щегольнуть каким-нибудь никому не понятным словом. А потом объяснить его так, чтобы все окончательно запутались. Вот экстраполяция мне с детства в голову и засела.

– Математика – царица наук. – Яна Ринатовна наконец отхлебнула уже почти остывшего чая. – И что говорят жрецы нашей царицы? Когда наша экономика, наконец, воспрянет?

– Тут все совсем грустно. – Крылова уже расправилась с одним творожным колечком и теперь размышляла, не нанесет ли вреда ее фигуре еще одно. – Царица явно в опале. Папа вообще говорит, что они служат Кассандре. Во всяком случае, их пророчества записывают, но никто к ним не прислушивается. – Она протянула руку к пирожным, решив, что еще одно маленькое колечко с творогом навредить никак ей не сможет.

– Проблема умных людей в том, что они слишком умные на фоне окружающих, – усмехнулась Яна Ринатовна, – надеюсь, мои выводы будут более востребованы.

– Мною – это точно, – решительно кивнула Виктория и надкусила творожное кольцо.

– Хорошо, – кивнула Сибгатуллина, – тогда вот мои краткие выводы. Мужчина средних лет, одинокий, возможно, разведен или вдовец. Скорее разведен. Предположительно бывший военный или сотрудник других силовых структур. Сам проживает в небольшом городе, возможно, каком-то районном центре. Волевой, психически устойчив, имеет сложившееся мировоззрение и крайне негативно реагирует на попытки его нарушить. Не склонен к чрезмерной жестокости и насилию, воспринимает их как вынужденную необходимость. Возможно, несколько лет назад имел серьезные материальные проблемы, я думаю, можно даже говорить о продаже недвижимости. То, что он отлично подготовлен и физически развит, думаю, это вы и без меня понимаете, так же, как и то, что действует он в одиночку.

– Почему разведен? – Виктория быстро управилась со вторым пирожным, и теперь ничто не отвлекало ее от разговора.

– Начнем с того, почему одинок, – усмехнулась Яна Ринатовна. – Хотя похищения и происходят со значительными интервалами, но очевидно, что каждому из них предшествует тщательная подготовительная работа, как по поиску подходящих под его параметры жертв, так и по отработке путей отхода при передаче денег. То есть фактически он уже два года кочует по стране, возможно лишь иногда появляясь в том месте, которое он условно может считать своим домом. Вряд ли это возможно при сохранении полноценной семьи. Если так и если считать верными предположения о том, что это бывший силовик, то мы имеем мужчину лет сорока, очевидно, офицера, не ниже майора. Это, знаете ли, завидный мужчина. Офицеры всегда в нашем обществе пользовались повышенным вниманием. Я вот, кстати, смотрю, а колечка на пальчике у вас нет. Удивительно, такая милая девушка в окружении стольких мужчин и вдруг одинока.

Крылова смущенно покраснела.

– Не совсем так. – Она взяла в руки пустую чашку, покрутила ее и вновь поставила на место. – Возможно, зимой что-то изменится.

– Уже есть избранник? – обрадовалась Яна Ринатовна. – Это замечательно, Вика! Наверняка какой-нибудь бравый оперативник. Я угадала?

Окончательно смущенная, Виктория лишь кивнула. Яна Ринатовна мягко коснулась ее руки.

– Ну что вы так засмущались? В этом же нет ничего зазорного. Любой человек, а уж тем более женщина, создан прежде всего для того, чтобы любить и быть любимым. Ну а попутно, коли есть время и настроение, может заниматься раскрытием преступлений. Так вот, если он бывший офицер, то вероятность того, что он не был женат, ничтожна. Скорее всего, раз он был женат и возраст уже не столь юн, то есть и дети или хотя бы ребенок. Но здесь мы уже углубляемся в столь гипотетическую область, что вероятность правильных предположений близка к угадыванию. И тем не менее. Взрослый, сложившийся мужчина, не принадлежащий изначально к криминальному миру, начинает совершать одно за другим преступления, причем преступления жесткие, даже жестокие, которые в итоге приводят к убийству. Понимаете, о чем я? Должен быть какой-то побудительный мотив для подобного перерождения, триггер.

– И вы предполагаете, что это может быть связано с его собственным ребенком? – Крылова заинтересованно подалась вперед.

– Утверждать этого нельзя, – Яна Ринатовна с сожалением покачала головой, – все, что мы видим, – лишь проекция, тень, причем искаженная, некоего события, которое послужило толчком, позволило этому человеку совершать преступления.

– Позволило? – удивилась Крылова.

– Да, именно позволило. Каждый человек в той или иной степени готов совершить действия, выходящие за рамки общепринятых норм. Однако в нас с раннего возраста закладываются множество сдерживающих барьеров. Это моральные нормы в обществе, наши представления о добре и зле как таковых, пример родителей, да и просто страх перед наказанием. Как только тот или иной барьер исчезает, человек позволяет себе то, что раньше для него казалось немыслимым. Но скажу еще раз, мы видим лишь тень некоего давно прошедшего события и пытаемся по тени вычислить саму фигуру. Вы, Вика, должны понимать, что тень одной и той же формы могут дать совершенно разные фигуры, так же как одна фигура может отбрасывать совершенно разные тени в зависимости от расположения источника освещения.

– Да, таких картинок полно в Интернете.

– Вот именно, там всего полно, – согласилась Сибгатуллина, – но здесь ведь не картинка, здесь все сложнее. И тем не менее кое-что меня подталкивает именно к этой гипотезе.

Крылова напряженно ждала, что психолог скажет ей дальше.

– Сумма выкупа. Она повторяется от похищения к похищению, и, если я правильно поняла, именно это и привлекло ваше внимание к этим делам. По сути, преступник в каждом

случае оставляет вам свою метку, словно показывая, что преступление совершил именно он. При всем прочем проявляемом похитителем удавьем хладнокровии это выглядит несколько странно.

– Если я правильно помню, считается, что серийные преступники подсознательно хотят быть найденными.

– А с чего вы взяли, что речь идет о серийном преступнике? – усмехнулась Яна Ринатовна. – Мы имеем дело с преступником профессиональным, который превратил похищения в источник достаточно высокого и, заметьте, регулярного дохода.

– Но то, что он совершил убийство, разве не свидетельствует о процессе разложения его личности?

– Ну что вы. Убийство несчастной девочки было для него мерой вынужденной. Если бы он на нее не пошел, то потерял бы все рычаги воздействия на родственников похищенных детей. Вспомните, уже при втором похищении он отрезал ребенку палец только за то, что они попросили на сутки отложить передачу выкупа. Уверяю вас, если бы передача не состоялась и на следующий день, то первый ребенок погиб бы еще тогда. Однако скажите, какой палец он отрезал?

– Мизинец, – уверенно ответила Крылова.

– Верно, мизинец. Причем на левой руке. С точки зрения похитителя он нанес минимальный физический ущерб. Психическую травму мы сейчас с вами не рассматриваем. Он сделал то, что считал безусловно необходимым, таким образом, о его психической неустойчивости речь идти не может.

– Да уж, хладнокровие впечатляющее, – вздохнула Виктория, – как вы сказали, удавье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.